

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_87
EDN UVLOEP

Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка»

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению черт романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка», которые позволяют назвать его трансгрессивным. Роман создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции. Эмигранты в изображении Э. Лимонова представляют собой если не маргинализованные типы, то типаж неудачников. Сам Эдичка чувствует свою ненужность и в Америке, и в СССР. Создается ощущение, что главный герой романа «Это я – Эдичка» выстраивает своё поведение таким образом, чтобы оно выглядело трансгрессивным, нарушающим принятые нормы. На протяжении почти всего повествования Эдичка пьян, что часто оборачивается странными поступками. Крайности характера героя проявляются в эротических эпизодах романа, которые сразу же после публикации придали ему скандальную известность. Э. Лимонов не идет по пути трепетного отношения к эротике, а его описания любовных актов далеки от сакрализации. Эдичка выступает в роли скрупулезного фиксатора сексуальных процессов. Трансгрессивность романа «Это я – Эдичка» подсвечивается соседством эротических фрагментов с фрагментами, посвященными политике. Радикализм и граничащий с ним экстремизм политических взглядов героя не вызывают сомнения. Язык «Это я – Эдички» перешагивает допустимые границы, устанавливающие языковую норму. Словесная ткань романа отличается прежде всего обилием обсценной лексики, присутствующей в разнообразных видах и употребляемой при разнообразных ситуациях. Э. Лимонов нарушает границы ещё в одном смысле – он «переходит» условные рамки повествования. Метаповествовательные приёмы, используемые в «Это я – Эдичка», создают условную ситуацию, ставящую под сомнение границы текста и реальности.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; трансгрессивность; трансгрессивная литература; третья волна эмиграции; русское зарубежье; герой; граница

Для цитирования: Егоров М. Ю. Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 87-102. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_87. <https://elibrary.ru/UVLOEP>.

© Егоров М. Ю., 2023

Original article

The transgressive nature of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*

Mikhail Y. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl. michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article focuses on examining the specifics of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*, which can be described as transgressive. The novel creates a certain transgressive image of emigration. The emigrants as portrayed by E. Limonov are, if not marginalized types, then the types of losers. Eddie himself feels useless in both America and the USSR. One gets the feeling that the protagonist of the novel *It's Me, Eddie* builds his behavior in such a way that it looks transgressive, violating the accepted norms. Throughout almost the entire narrative, Edichka is drunk, which often results in strange behavior. The extremes in the hero's character are manifested in the erotic episodes of the novel, which made the novel infamous immediately after its publication. E. Limonov's attitude to eroticism is far from being reverent, and his descriptions of love acts are not at all sacralized. Eddie acts as a scrupulous recorder of sexual processes. The transgressiveness of the novel *It's Me, Eddie* is highlighted by the juxtaposition of erotic fragments with those dealing with politics. The hero's radicalism and the extremism of his political views are beyond doubt. The language of the novel oversteps the permissible boundaries of the linguistic norm. The wording of the novel is characterized primarily by the abundance of obscene language in a variety of forms and used in a variety of situations. E. Limonov breaks the boundaries in one more sense – he "crosses" the conventional framework of the narrative. The meta-narrative devices used in *It's Me, Eddie* create a conventional situation that doubts the boundaries of text and reality.

Key words: E. Limonov; *It's Me, Eddie*; transgressiveness; transgressive literature; third wave of emigration; Russians abroad; hero; boundary

For citation: Egorov M. Yu. The transgressive nature of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 87-102. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_87. <https://elibrary.ru/UVLOEP>.

Введение

Первая публикация романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» состоялась в эмигрантском парижском журнале «Ковчег» в 1979 году. Произведение тогда было напечатано с некоторыми сокращениями. За этим последовало издание на французском, немецком и английском языках. Именно этот роман

сформировал специфическую репутацию Э. Лимонова: «Маргинал, пария, изгой, он ухитрился восстать против себя культурно-общественный истеблишмент трех главных городов мира, где обитал, – Нью-Йорка, Парижа и Москвы» (Соловьев В. В защиту немолодого подростка: казус Лимонова //

Литературная газета. 2003. 19 марта. №11. С.15).

Постараемся доказать, что дискурс романа «Это я – Эдичка» в своей основе связан с феноменом трансгрессивной литературы. Считается, что первым это понятие употребил М. Силверблатт в статье 1993 года «Шокирующее обращение: Кто эти писатели и почему они хотят причинить нам боль?» [Silverblatt, 1993]. Хотя, справедливости ради, отметим, что в отношении художественной литературы нечто подобное высказывалось и раньше (например, книга 1989 года П. Сталлибрасса и А. Уайта «Политика и поэтика трансгрессии» [Stallybrass, White, 1989]). М. Силверблатт указывает на те признаки трансгрессивной литературы, по которым её можно опознать: трансгрессивные авторы намеренно включают в произведения неприятный, неприличный контент (запретный секс, насилие, употребление наркотиков и т. п.) для того, чтобы спровоцировать читателя. П. Вайль и А. Генис так характеризовали «Это я – Эдичку», указывая на автобиографичность романа: «Лимонов написал талантливую исповедальную прозу в отчаянной попытке довести до крайнего предела материальное, телесное познание самого себя. Такая проза пишется раз в жизни, ни повторить, ни переписать не выйдет: только знание и опыт, а не вымысел и фантазия, дают вдохновение вседозво-

ленности» [Вайль, Генис, 1982, с.168].

Методы исследования

На предлагаемую работу оказали влияние исследования о трансгрессии, в которых последовательно рассматривается история понятия и практическое его воплощение, в том числе в произведениях литературы [Jenks, 2003; Mookerjee, 2013; Stallybrass, White, 1989]. Статья не могла бы состояться без учёта опыта структуралистского исследования литературного текста, воплощенного, в частности, в «Структуре художественного текста» Ю. М. Лотмана [Лотман, 1970]. Особо выделим понимание события в тексте, которое выглядит трансгрессивным: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970, с. 282].

Результаты исследования

Роман «Это я – Эдичка» создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции. Эмигранты в изображении Э. Лимонова представляют собой если не маргинализованные типажы, то типажы неудачников.

Эмиграция всегда сама по себе трансгрессивна, что связано не только с пересечением границ географических, но и с кардинальным изменением образа жизни, миропонимания (см. подробнее [Бугаева, 2010]).

В одном из эпизодов описывается посещение героем своих знако-

мых-эмигрантов из Советского Союза: «Мы идем к посудомойкам и в комнате одного из них устраиваем пир. Пир посудомоек, сварщика, безработного и вэлфэровца. Еще несколько лет назад, соберись мы вместе в СССР мы были бы: поэт, музыкант, спортсмен, чемпион Союза, миллионер (один из посудомоек – Семен – имел около миллиона в России), и известный на всю страну тележурналист» [Лимонов, 1992, с.31]. Советское прошлое персонажей выглядит куда более радужным, чем американское настоящее.

Эдичка живёт в отвратительном отеле «Винслоу», где многие из его соседей – выходцы из Советского Союза. Героя возмущает то, как ужасное отношение демонстрируется к ним в гостинице: «К нам, людям из России, в отеле относятся так, как некогда относились к черным до отмены рабства. Белье нам меняют куда реже, чем американцам, ковер на нашем этаже не чистили ни разу за все время... Простыни и полотенца нам дают самые старые, свой туалет я мою сам. Короче – мы люди последнего сорта» [Лимонов, 1992, с.17-18].

Неслучайно Эдичка публикует в нью-йоркской газете «Русское Дело» статью «Разочарование», в которой рассказал: «...западный мир не оправдал надежд, которые возлагали на него евреи и неевреи, уезжавшие из России, что во многом он оказался даже хуже, чем мир советский» [Лимонов, 1992,

с.112]. Из-за своего резко негативного отношения к капиталистической действительности статья была перепечатана советской газетой «Известия». Автор статьи был уволен из эмигрантской газеты.

Многие из изображенных в романе эмигрантов мечтают пересечь границу в обратном направлении – уехать в СССР. Из диалога с одним из беженцев выясняется следующее: «Слышал, в октябре впускать будут? ...в Россию. ...Две тысячи хотят обратно. А половина заявлений начинается с того, что люди просят прямо с самолета отправить их в лагерь, что они хотят отсидеть за свое преступление, за то, что они уехали с Родины» [Лимонов, 1992, с.22-23]. Он откровенничает с Эдичкой: «Я, понимаешь, там [в Советском Союзе] впал в амбицию, слишком много о себе возомнил, а вот приехал, и увидел, что ни на что не способен. Покою хочу. Куда-нибудь в Тульскую область, домишко, рыбки половить, ружьишко, учителем в сельскую школу пристроиться. Здесь ад... Нью-Йорк – город для сумасшедших. Я поеду, довольно я здесь помыкался. Свободы у них тут ни х... нет, попробуй что на работе смелое скажи. Без шума вылетишь, тихо» [Лимонов, 1992, с.23]. Другой эмигрант жалуется: «...у меня отчаянное положение, что делать, не знаю – я так тоскую по жене, она у меня русская... Зачем меня сюда принесло... Я неспособен выучить

язык. Живу очень плохо...» [Лимонов, 1992, с.25].

В отеле обитает поэт Женя Кникич (под этим именем выведен Евгений Вертлиб). Он филолог, защитил диссертацию на тему «„Село Степанчиково и его обитатели“ Достоевского, с точки зрения странности». Женя хочет работать в США по своей специальности. Эдичка убежден в тщетности таких усилий: «Я думаю, он серьезный ученый, почему нет, только он и я понимаем, что его профессия серьезного ученого, специалиста по Гоголю и Достоевскому, преподавателя эстетики, никому тут на х... не нужна. Тут нужны серьезные посудомойки, те кто без всяких литературных размышлений будут выполнять черную работу. В литературе тут своя мафия, в искусстве своя мафия...» [Лимонов, 1992, с. 33].

Сам Эдичка чувствует свою ненужность и в Америке, и в СССР. Получение в США социального пособия парадоксальным образом комментируется: «...в один день экстренно получил пособие, которое хотя и опустило меня на дно жизни, сделало бесправным и презираемым, но я е...л ваши права, зато мне не нужно добывать себе на хлеб и комнатеку, и я могу спокойно писать свои стихи, которые ни здесь, в вашей Америке, ни там в СССР на х... не нужны» [Лимонов, 1992, с.17]. Говоря о возможности возвращения в Советский Союз, Эдичка боится осмеяния со стороны сограждан: «Нет, я не со-

бираюсь [возвращаться], мне там [в СССР] делать не х.... Да и стыдно возвращаться. Засмеют. Я не поеду, я никогда не иду назад» [Лимонов, 1992, с. 23].

Герой оценивает свои творческие возможности, сопоставляя порядки в двух странах: «И приехал сюда [в США]. Теперь вижу – один х..., что здесь, что там [в СССР]. Те же шайки в каждой области. Но здесь я еще дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский, словами русскими пишу, и человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт – это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России все – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться, там – честь великая. Тут – поэт – говно...» [Лимонов, 1992, с. 34-35]. Эдичку не устраивает отношения к творческим людям как в родной стране, так и в стране, приютившей его. Можно заметить, с каким усилием он избегает хрестоматийной фразы Е. Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт» [Евтушенко, 1967, с. 69].

В романе присутствуют эмигранты, увлеченные творчеством, которым удалось найти своё место в новом обществе. Но все они представлены таким образом, чтобы показать негативные в них изменения. Так, упоминается Иосиф Бродский, который пошёл на компромисс, ради достижения успеха за границей: «Тут [в Америке] –

поэт – говно, потому и Иосиф Бродский здесь у вас тоскует в вашей стране и однажды, придя ко мне на Лексингтон еще, говорил, водку выпивая: «Здесь нужно словню кожу иметь, в этой стране, я ее имею, а ты не имеешь». И тоска была при этом в Иосифе Бродском, потому что послушен он стал порядкам этого мира, а не был послушен порядкам того», – сокрушается Эдичка [Лимонов, 1992, с. 35].

В более жестком ключе показан главный редактор газеты «Русское Дело» Моисей Яковлевич Борода-тых. Это явный намёк на Якова Моисеевича Цвибака (литературный псевдоним – Андрей Седых), возглавлявшего газету «Новое Русское Слово». «[Эдичка] работал в газете «Русское Дело» у одного из главных мафиози русской эмиграции – у Моисея Яковлевича Борода-тых. Мафиози никогда не подпустят других к кормушке. ...Дело идет о хлебе, о мясе и жизни, о девочках. Нам это знакомо, попробуй пробейся в Союз Писателей в СССР. Всего изомнут. Потому что речь идет о хлебе, мясе и п...е. Не на жизнь, а на смерть борьба» [Лимонов, 1992, с. 33]. Обратим внимание на указание вновь невыносимости существования для Эдички и в СССР, и в США.

От Эдички достаётся и А. И. Солженицыну. Во второй главе «Я – басбой» писатель критикуется мягко: «...печатал же свои книги Солженицын, живя в СССР, здесь, на Западе, его совесть не му-

чила, по сути дела он думал только о своей писательской карьере, но не о последствиях или влиянии своих книг» [Лимонов, 1992, с. 59]. Чуть сильнее в пятой главе «Кэррол»: «...Сахаровыми и Солженицыны-ми ...взгляды у названных личностей путаные и малореальные, а фантазии и энергии сколько угодно, что эти люди явно представляли бы опасность, находишь они у власти. Их возможные политические и социальные эксперименты были бы опасны для населения Советского Союза, и опасны тем более, чем больше у них фантазии и энергии» [Лимонов, 1992, с. 113-114]. В восьмой главе «Луис, Алешка, Джонни и другие» критика достигает кульминации – призванная принизить авторитет А. И. Солженицына сцена решена в раблезианском стиле: «...помню, е...сь во время выступления Солженицына с включенным телевизором и его мордой на экране, е...сь, и я хотел в этот момент кончить, но не мог, созерцая его в полувоенном френче, даже сладкая пипка моей девочки не могла меня заставить кончить. Е...сь мы при Солженицыне, конечно, из озорства» [Лимонов, 1992, с. 184].

Создается ощущение, что главный герой романа «Это я – Эдичка» выстраивает своё поведение таким образом, чтобы оно выглядело трансгрессивным, нарушающим принятые нормы, в духе то ли человека из подполья, то ли Раскольникова [Ryan-Hayes, 1988]. Напри-

мер, только из-за любви к скандалу Эдичка будучи эмигрантом посылает подборку стихотворений в советский журнал «Новый мир»: «Письмо в редакцию журнала «Новый мир» написал я из озорства и любви к скандалу. Почти будучи уверен в том, что стихи мои не напечатают, не отказывал я себе в удовольствии поморочить голову...» [Лимонов, 1992, с. 59].

Уже на первой же странице произведения читатель узнает, что Эдичка предпочитает питаться щами на балконе своей квартиры, пребывая в голом виде. «Окружающие оффисы своими дымчатыми стеклами-стенами – тысячью глаз клерков, секретарш и менеджеров глазуют на меня. Почти, а иногда вовсе голый человек, едящий щи из кастрюли» [Лимонов, 1992, с. 14]. Тут же герой охарактеризует себя без стеснения: «Я считаю, что я подонок, отброс общества, нет во мне стыда и совести, потому она меня и не мучит, и работу я искать не собираюсь, я хочу получать ваши деньги [социальное пособие] до конца дней своих» [Лимонов, 1992, с. 15].

Переход через границу общепринятого демонстрирует следующий эпизод. От Эдички уходит жена к другому. Он, очевидно, из чувства мести устраивает в квартире экстравагантную выставку интимных вещей бывшей жены: «...увидел опять свою жуткую выставку вещей Елены, развешанных по стенам, с этикетками под каждой такого содержания: «Чулочек

Елены – белый/ Где второй неизвестно/ Она купила белые чулочки уже когда была/ знакома с любовником, и тогда же купила/ два тонких пояска – в них она с любовником/ и е...сь – Лимонову Эдичке грустно и/ страстотерпно». Или: «Тампакс/ Елены Сергеевны/ неиспользованный,/ девочка моя могла вложить его в пипку – у нее/ смешно тогда торчала, висела/ из пипки нитка». Предметы висели на гвоздях и плечиках, были прикреплены к стенам клейкой лентой. Веселенькая выставка была, да?» [Лимонов, 1992, с. 60]. На выставку под названием «Мемориал Святой Елены» были приглашены друзья, фотограф. «Безумный был я, признаю...», – вновь самохарактеристика героя [Лимонов, 1992, с. 60].

Антисоциальность поведения Эдички проявляется и в том, что он подворовывает из ресторана в отеле «Хитроу», где работает помощником официанта: «Иной раз я что-нибудь уношу из отеля домой. ...Ворую. А х...ля. ...Я ворую из ресторана еще несколько ножей, вилок и ложек и все, больше вещей мне не нужно» [Лимонов, 1992, с. 52].

Однако это выглядит мелким по сравнению с тем, чем занимался герой, будучи харьковским подростком. Он в подробностях описывает, как тогда происходили с его непосредственным участием вооруженный разбой [Лимонов, 1992, с. 96], грабёж [Лимонов, 1992, с. 233] (об автобиографичности романа и её преодолении см. [Ryan-Hayes, 1993;

Carden, 1984]). На американской территории Эдичка тоже готов на ограбление квартиры. В главе «Лус, Алёшка, Джонни и другие» героя ведёт за собой бродяга Джонни, который очень нравится Эдичке. Он думает, что Джонни планирует совершить грабёж, в чём герою видится выражение социального протеста. Эдичка полон решимости поддержать друга: ««Если он ведет меня кого-то ограбить, это мне как нельзя кстати», – подумал я хладнокровно» [Лимонов, 1992, с. 199]. К сожалению, у Джонни другие планы: «Я был раздражен. Я уже построил планы, а он... «Любовь потом, – сказал я ему. – Я хочу делать роббе-ри – грабеж в апартамте, я думал, мы идем сюда грабить апартамент. Зачем ты обманул меня?» – сказал я» [Лимонов, 1992, с.199].

На протяжении почти всего повествования Эдичка пьян или находится под воздействием наркотиков, что часто оборачивается странными поступками. Вспоминая скульптора Эраста Провозвестного (очевидно подразумевается Эрнст Неизвестный) и поэта Генриха Сапгира, герой упоминает их алкогольные скандалы и даже драки. Далее он оправдывает это: «Так было принято в том мире, откуда я уехал, там это не считалось бесчестием, всякий имел право расслабиться, если мог и хотел» [Лимонов, 1992, с. 213].

Приведём один из показательных примеров, характеризующих такое поведение Эдички. На вечеринке своей любовницы Розанн герой зна-

комится с прекрасной китайкой Лилией. Он выпивает две бутылки водки и перестает себя контролировать. Через некоторое время Эдичка «уже... лежал с ней [с Лилей], целовал ее, обнимал и что-то говорил, едва ли не делал с ней любовь при всех. ... Она лежала, ей, конечно, было неудобно, вокруг толпа людей, но видно было, что ей приятно, она хихикала. Ее выгнала Розанн, Розанн даже плакала от злости» [Лимонов, 1992, с. 218].

В другом эпизоде герой после обильных возлияний обнаруживает себя «в каком-то храме» во время службы и начинает играть с ножом: «Я вынул из сапога свой любимый нож и воткнул его в пол... рядом целая семья верующих обменялась дикими взглядами. ...Далее я включился в какой-то бред, несколько раз выдирал нож из доски и целовал его, опять втыкал его в подножье. Один раз я уронил Его Величество нож, и тот загремел на весь храм...» [Лимонов, 1992, с. 95].

После того, как жена Эдички объявила ему, что изменила и хочет расстаться, они ещё некоторое время жили вместе. Герой признаётся, что хотел убить Елену. Для этого он приготовил верёвку, «чтобы в самом крайнем случае, когда станет совсем неумоготу, легко и бесшумно удавить ее» [Лимонов, 1992, с. 47].

Обратим внимание на ещё одну цитату о воображаемом диалоге с харьковской шпаной: «В среде, где любовь и кровь стояли рядом, измена была чуть впереди слова нож, я

сидел на табурете и думал, что ребята мои, друзья мои, гниющие по лагерям за уголовные преступления, бандиты и воры из Харькова, сейчас презирают меня как жалкую тряпку. «Увели ее, а ты, б...дь, фраеру даже нож под ребра не пустил...» [Лимонов, 1992, с. 310-311]. В соответствии с законами марксизма, среда, в которой вырос Эдичка, предопределила его характер.

Однажды ему пришла идея изнасиловать Елену [Лимонов, 1992, с. 46]. Для этой цели Эдичка покупает наручники, придя домой «с ужасом обнаруживает», что «они оказались с кнопкой для открывания без помощи ключа, то есть и стальные и будто бы крепкие, но для игры, для детей» [Лимонов, 1992, с. 46]. Заканчивается эта история плачем: «от жалости к себе и своему телу, которое, чтобы добиться ласки, вынуждено прибегать к таким кошмарным методам, я разрыдался. И даже в попытке насилия у меня случилась неудача. Я выл, плакал очень долго...» [Лимонов, 1992, с. 47]. Образ Эдички сочетает в себе две составляющие: с одной стороны, жестокий циник, а с другой, крайне чувствительный человек. Показательно название статьи О. Матич о романе – «Моральный имморалист» [Matich, 1986].

Многими исследователями (прежде всего Ж. Батаем [Батай, 2006]) трансгрессивность связывалась с эротикой. Крайности характера героя проявляются в эротических эпизодах романа, которые сра-

зу же после публикации придали ему скандальную известность. Особенно критики были возмущены присутствием в «Это я – Эдичке» двух гомосексуальных сцен. Во Франции, Италии, Греции перевод романа издавался под неполиткорректным сейчас названием «Русский поэт предпочитает больших негров» [Limonov, 1980; Limonov, 1985; Лимонов, 1986]. Э. Лимонов бесстыдно живописует акты любви между мужчинами. «Никогда прежде в русской литературе гомосексуальная связь не изображалась так откровенно и в таком положительном ключе» [Матич]. Описания, предлагаемые читателю, предельно телесны, натуралистичны. «Думаю, я до крайности возбудил его. Я не знаю, что он сделал, возможно, он смочил свой х... собственной слюной, но постепенно он входил в меня, его х... Это ощущение заполненности я не забуду никогда. ...Так что его х... в моей попке не испугал меня, и мне не было очень больно даже в первое мгновение. Очевидно, я растянул свою дырочку давно. Но восхитительное чувство заполненности – это было ново. Он е...л меня, и я начал стонать. Он е...л меня, а одной рукой ласкал мой член, я ныл, стонал, изгибался и стонал громче и сладостней» [Лимонов, 1992, с. 104-105] и т. д.

Избранниками Эдички в обоих случаях становятся маргиналы. В первом случае – Крис, который, как предполагает герой, скрывается от

полиции, во втором – Джонни, бездомный, не брезгующий криминальным бизнесом. И та, и другая ситуации связаны с риском и его преодолением.

Эпизод с Крисом начинается с его нападения на Эдичку, но при этом, как утверждает рассказчик: «Мне не было страшно. Честное слово, совершенно не страшно. Я же говорю, что имел тогда какой-то подсознательный инстинкт, тягу к смерти» [Лимонов, 1992, с. 99]. Эпизод с Джонни, как было показано в цитате выше, связан с намерением Эдички ограбить квартиру вместе с этим бродягой [Лимонов, 1992, с. 199].

В обоих случаях желание охватывает героя внезапно. Особенно показательно в случае с Крисом: «Этот парень душил меня... Мы лежали, задыхаясь, он тоже задыхался от усилий, душить нелегко, я это знаю по себе, не так просто, как кажется. ...Внезапно я высвободил свои руки и обхватил ими его спину. «Я хочу тебя, – сказал я ему, – давай делать любовь?»» [Лимонов, 1992, с. 99-100].

Для указанных сцен Э. Лимонов выбирает необычное пространство, неприспособленное для подобного рода действий, – внутренний дворик рядом с детской площадкой [Лимонов, 1992, с. 97], лестничная площадка в шикарном многоэтажном здании [Лимонов, 1992, с. 199].

Не менее детально, хотя и с меньшим азартом, изображается в романе секс с женщинами. Напри-

мер: «Взяв свой х..., который по пьянке не очень-то мне повиновался, то стоял, то не стоял, кренился и падал, я прикоснулся им к её [Розанны] п...е. Я опять отдаю ей должное – п...а у нее была хорошая, сладкая, сочная, спелая п...а – видите, сколько эпитетов. Поводив х...м по ее п...е, которая от этого прикосновения стала еще жарче и понравилась моему х... как и мне, я воткнул его в эту мягкость, текучесть и сочность» [Лимонов, 1992, с. 214] и т. д.

Э. Лимонов не идет по пути трепетного отношения к эротике, а его описания любовных актов далеки от сакрализации. Эдичка выступает в роли скрупулезного фиксатора сексуальных процессов.

Трансгрессивность романа «Этот я – Эдичка» подсвечивается соседством эротических фрагментов с фрагментами, посвященными политике. Герой является поклонником идей Мао Цзэдуна, о чём свидетельствует портрет основателя Китайской Народной Республики в квартире Эдички: «...большой портрет Мао Цзэ Дуна – предмет ужаса для всех людей, которые заходят ко мне» [Лимонов, 1992, с. 15].

Радикализм и граничащий с ним экстремизм политических взглядов героя не вызывают сомнения: «...я всю свою жизнь связываю с революцией. ...Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной траге-

дии» [Лимонов, 1992, с. 114, 118]. Здесь Эдичка имеет в виду измену и уход жены. Важно то, что революция для него приобретает крайне личностное звучание.

Эдичка вспоминает то, как работал помощником официанта, и изображает насыщенное чувство классовой ненависти к капиталистам, он всё равно обращается к воспоминаниям о жене: «...я постоянно видел своих врагов, тех, кто увел у меня Елену – наших посетителей, людей, имеющих деньги. ...Чувство, которое я условно определил для себе как классовую ненависть, все глубже проникало в меня. Я даже не столько ненавидел наших посетителей как личностей, нет, в сущности, я ненавидел весь этот тип джентльменов, седых и ухоженных» [Лимонов, 1992, с. 55].

Герой проявляет интерес прежде всего к вооруженному разрешению вражды классов: «Опасный митинг только и нужен был мне в этом мире. Если б она [Кэрол, активистка Рабочей партии] сказала, приходи завтра в такое-то место – получишь автомат и патроны, будешь участвовать в акции, например, в захвате самолета, я был бы, конечно, куда больше рад, но и митинг – это было неплохо. Я не кривлю душой, меня полностью устроила бы только революция, но можно было начать и с митинга» [Лимонов, 1992, с.115]. И чуть далее: ««Как ты думаешь, Кэрол, при нашей жизни в Америке будет революция?» «Обязательно будет, – сказала, не задумываясь,

Кэрол, – иначе зачем бы я работала в партии?» «Пострелять мне хочется, Кэрол», – сказал я ей тогда. И я не кривил душой. «Постреляешь, Эдвард», – сказала она, усмехнувшись» [Лимонов, 1992, с.124].

Ещё один красноречивый пример: «Я не был официант, я не плевал им [посетителям] в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом, я бы взорвал их на х..., но мелких гадостей я не мог им делать, не был способен. «Я разнесу ваш мир!» – думал я... Я разнесу ваш мир вместе с этими ребятами – младшими мира сего!» [Лимонов, 1992, с.42]. Сколь откровенен рассказчик в описании сексуальных соитий, столь не стесняется он описывать свою приверженность насильственным способам переустройства мира.

Для демонстрации противоречивости, контрастности черт героя интересна сцена с чтением книги Л. Д. Троцкого «История русской революции», над которой Эдичка, взывающий к насилию, будет буквально рыдать: «Над некоторыми страницами, где описывались вооруженные народные шествия, я буду рыдать, и шептать в своей камерке: «Неужели у меня этого никогда не будет!» Плакать от восторга, зависти и надежды над толстой трехтомной книгой, над нашей русской революцией. ...Другие страницы вызвали у меня злость...» [Лимонов, 1992, с. 120].

Стиль «Это я – Эдички» перешагивает допустимые границы,

устанавливающие языковую норму. Словесная ткань романа отличается прежде всего обилием обсценной лексики, присутствующей в разнообразных видах и употребляемой при разнообразных ситуациях. Например: об эмиграции – «Ну мы и х...нули все в Западный мир, как только представилась возможность. Х...нули сюда, а увидев, что за жизнь тут, многие х...ули бы обратно, если не все, да нельзя» [Лимонов, 1992, с. 120], о социальном возмущении – ««Я разнесу ваш мир! – думал я, – я убираю после вас пищевые отходы, а жена моя е...тся и вы развлекаетесь с нею, только потому, что такое неравенство, что у нее есть п...а, на которую есть покупатели – вы, а у меня п...ы нет»» [Лимонов, 1992, с.42], о сексуальных отношениях – «Я п...л ее, она кончила, а я даже не возбуждался по-настоящему. А п...а, я же вам говорю, была вся подернута слизью, мягкая, всасывающая мой х... П...а не была истеричной, как Розанн, она не раздражалась, не кричала, она была п...ой 33-х или 35-тилетней бабы, доброй п...ой» [Лимонов, 1992, с. 214] и т. д.

Не все критики разделяли мнение Ф. Дрейзина, считавшего романного рассказчика виртуозом в употреблении мата, видящего в мате «оазис авторской национальной идентичности» [Dreizin, 1988, s. 65]. Л. Геллер укорял автора: «Великий могучий русский мат послужил мировой известность. Но Эдичка почему-то выражается

крайне убого – не по количеству, а по качеству» [Геллер, 1980, с. 85].

Провокативно последними фразами романа становятся: ««Я е...л вас всех, е...ные в рот суки!» – говорю я и вытираю слезы кулаком. Может быть, я адресую эти слова билдингам вокруг. Я не знаю. «Я е...л вас всех, е...ные в рот суки! Идите вы все на х...!» – шепчу я» [Лимонов, 1992, с. 322]. Происходит соединение основных мотивов романа – и американские декорации («билдинги»), и русский язык, и повышенный субъективизм, и натурализм, и агрессия, и сентиментальность, и шоковый эффект.

Обратим внимание на присутствие во фразе калькированного иностранного слова «билдинги», имеющего обычный русский аналог «здания». Рассказчик часто прибегает к намеренному использованию англицизмов. ««Вы имеете длинный жаркий день вокруг бассейна, и вы склонны, готовы иметь Ваш обычный любимый летний напиток. Но сегодня Вы чувствуете желание заколебаться. Итак, вы делаете кое-что другое. Вы имеете Кампари и Оранджус взамен...» Я никогда не имел длинного жаркого дня вокруг бассейна. ...Я имел вчера холодное отвратительное утро...» [Лимонов, 1992, с. 322] (см. по этому поводу статью Ф. Дрейзена «Русский стиль в эмиграции: англицизмы Э. Лимонова» [Dreizin, 1988]). В данном случае нам важно отметить это явление в качестве одного из проявлений

преднамеренных трансгрессивных нарушений, присутствующих в романе.

Э. Лимонов нарушает границы ещё в одном смысле – он «переходит» условные рамки повествования. Укажем на один из метаповествовательных приёмов. По роману рассыпано множество обращений к условным слушателям, которых часто именуют «господами»: «Так, господа, я на собственной шкуре испытал, что такое дискриминация» [Лимонов, 1992, с. 19], «Это, конечно, частная судьба, господа, я рассказал о ней только потому...» [Лимонов, 1992, с. 22], «Мысль о сближении, о знакомствах была полнейшей чепухой, господа...» [Лимонов, 1992, с.49], «...ведь мне пришлось покинуть «Олд Бургунди», господа» [Лимонов, 1992, с.50], «Приходя домой, я ложился в постель и, сознаюсь, господа...» [Лимонов, 1992, с.52] и т. д. Даже самая первая фраза романа уже содержит подобное обращение: «Проходя между часом дня и тремя по Мэдисон-авеню, там где ее пересекает 55-я улица, не поленитесь, задерите голову и взгляните вверх...» [Лимонов, 1992, с. 14]. Читателя призывают проделать определенные действия, указывая на его (читателя) «бли-

зость» к рассказчику, а также на «невывышенность» истории.

Заключение

Комплекс особенностей романа «Это я – Эдичка» позволяет назвать его трансгрессивным. Э. Лимонов обращается к теме эмиграции, что связано с пересечением рубежей пространственных. При этом представленные в повествовании эмигранты выглядят маргинальными. Поведение Эдички часто провокативно, агрессивно, что осложняется постоянным употреблением алкоголя. Большую роль в романе играют эротические эпизоды, подаваемые откровенно натуралистически. Рассказчик обращается к «запретной» гомосексуальной тематике. С сексуальными темами соседствуют политические. Предпочтения героя в сфере политики связаны с насильственным изменением существующих порядков. Для того, чтобы облечь всё вышеназванное в текст, избирается язык, изобилующий непристойностями, табуированной лексикой. Метаповествовательные приёмы, используемые в «Это я – Эдичка», создают условную ситуацию, ставящую под сомнение границы текста и реальности.

Библиографический список

1. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. Москва : Ладомир, 2006. С. 491-705.
2. Бугаева Л. Д. Литература и rite de passage. Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. 412 с.
3. Вайль П. Современная русская проза / П. Вайль, А. Генис. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
4. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э.Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. №5. С.84-88.
5. Евтушенко Е. А. Братская ГЭС. Москва : Советский писатель, 1967. 240 с.
6. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конеч века», 1992. 335 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
8. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html>. (Дата обращения: 10.05.2023).
9. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp.221-232.
10. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55-67
11. Jenks C. Transgression. London, New York: Routledge, 2003. 205 p.
12. Limonov E. Il poeta russo preferisce i grandi negri. Milan o: Edizioni Frassinelli, 1985. 311 p.
13. Limonov E. Le poète russe préfère les grands nègres. Paris: Éditions Ramsay et Jean-Jacques Pauvert, 1980. 351 p.
14. Matich O. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdichka» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. Pp. 526-540.
15. Mookerjee R. Transgressive Fiction: The New Satiric Tradition. Palgrave Macmillan, 2013. 263 p.
16. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «It' s Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
18. Silverblatt M. Shock Appeal. Who Are These Writers, and Why Do They Want to Hurt Us?: The New Fiction of Transgression // Los Angeles Times. 1993. August 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-08-01-bk-21466-story.html>. (Дата обращения: 10.05.2023).
19. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca: Cornell UP, 1989. 228 p.
20. Λιμονοφ Ε. Ένας ρώσος ποιητής προτιμά τούς μεγάλους νέγρους. Athens: Aquarius, 1986. 285 σ.

Reference list

1. Bataj Zh. Jerotika = Eroticism // Bataj Zh. Zh. Prokljataja chast': Sakral'naja sociologija. Moskva : Lodomir, 2006. S. 491-705.
2. Bugaeva L. D. Literatura i rite de passage = Literature and rite de passage. Sankt-Peterburg : Petropolis, 2010. 412 c.
3. Vajl' P. Sovremennaja russkaja proza = Modern Russian prose. P. Vajl', A. Genis. Ann Arbor : Jermitez, 1982. 192 s.
4. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je.Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preliminary notes to the theory of scandal, avant-garde and eroticism in literature on the material of E. Limonov's work "It's me, Eddie" // Kovcheg. 1980. №5. S.84-88.
5. Evtushenko E.A. Bratskaja GJeS = The Bratsk Station. Moskva : Sovetskij pisatel', 1967. 240 s.
6. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = "It's me, Eddie". Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
7. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta = Literary text structure. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.
8. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Zhurnal'nyj zal. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html>. (Data obrashhenija: 10.05.2023).
9. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp.221-232.
10. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slavistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55-67
11. Jenks C. Transgression. London, New York: Routledge, 2003. 205 p.
12. Limonov E. Il poeta russo preferisce i grandi negri. Milano: Edizioni Frassinelli, 1985. 311 p.
13. Limonov E. Le poète russe préfère les grands nègres. Paris: Éditions Ramsay et Jean-Jacques Pauvert, 1980. 351 p.
14. Matich O. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdička» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. Pp. 526-540.
15. Mookerjee R. Transgressive Fiction: The New Satiric Tradition. Palgrave Macmillan, 2013. 263 p.
16. Ryan-Hayes K. Limonov's «Èto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Veski Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
18. Silverblatt M. Shock Appeal. Who Are These Writers, and Why Do They Want to Hurt Us?: The New Fiction of Transgression // Los Angeles Times. 1993. August 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-08-01-bk-21466-story.html> (Data obrashhenija: 10.05.2023).

19. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca: Cornell UP, 1989. 228 p.

20. Λιμονοφ Ε. Ένας ρώσος ποιητής προτιμά τούς μεγάλους νέγρους. Athens: Aquarius, 1986. 285 σ.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023